

пользуясь понятиями лексической и синтаксической деривации, введенными Е. Куриловичем³.

В VII главе рассматриваются виды ограничений в сочетаемости словообразовательных морфем в слове: 1) семантические, 2) формальные, 3) стилистические, 4) лексические, 5) словообразовательные. Как и в других разделах, здесь поднимается и решается много интересных и актуальных проблем русского словообразования, делается это с привлечением важнейших современных исследований.

Специальные главы посвящены рассмотрению понятия продуктивности (глава VIII), характеристике реальных и потенциальных слов (глава IX), окказиональному словообразованию (глава X).

В заключительной главе (XI) содержится краткое описание словообразования основных частей речи — имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий — с синхронной точки зрения. Здесь компактно охарактеризованы средства и способы словообразования каждой части речи. Во всех разделах обильно использован материал, извлеченный самим автором из текстов современных художественных произведений, газет и журналов, устной разговорной речи.

Говоря о книге в целом, необходимо отметить следующее: 1) в пособии не только учтены современные достижения словообразовательной науки, оно смело вводит студента в проблематику развивающейся теории и практики словообразования, дает ему прекрасный материал для серьезных размышлений, 2) книга написана просто и доступно, материал изложен компактно, 3) хорошо продумана система различных обозначений, шрифтовых и иных выделений, что особенно важно для учебного пособия.

При переиздании в пособии хотелось бы увидеть новые разделы: «Словообразовательное гнездо, его особенности в русском языке»; «Как делать морфемный и словообразовательный анализ слова».

¹ Об этом см.: А. Н. Тихонов. Образование наречий в синхронном освещении. — «Труды Самаркандского педагогического института им. С. Айни. Новая серия». Самарканд, 1969, вып. 170; Терминология словообразования. — «Тезисы докладов IV научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава СамГПИ им. С. Айни». «Вопросы филологии». Самарканд, 1970; Синхрония и диахрония в словообразовании. — «Актуальные проблемы русского словообразования», I. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972.

² В своей книге «Как делаются слова» (М., 1963) Е. А. Земская приводит уникальный пример — глагол без корня — *вынуть* (стр. 86).

³ См.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 57—70.

А. Н. ТИХОНОВ
(Самарканд)

GRIBBLE, CH. E. RUSSIAN ROOT LIST, WITH A SKETCH OF WORD FORMATION, CAMBRIDGE, MASS. 1973

Работа Ч. Гриббла «Список корней русского языка (с кратким очерком словообразования)» имеет двойную ценность, что объясняется двойной направленностью книги. С одной стороны, она представляет большой методический и практический интерес как пособие по изучению морфемного строения слова в русском языке. С другой стороны, работа имеет несомненный научный интерес как одна из немногочисленных пока¹ попыток составления словаря морфем современного русского языка.

Назначение своей брошюры сам автор видит в том, что студент и учитель могут быстро и эффективно найти в этой книжке материалы, необходимые для построения слова, что не исключит необходимости запоминания, но значительно уменьшит ее (р. 7). Таким образом, цель работы — сугубо практическая, и ей подчинено все: и переводы значений корней, суффиксов и префиксов, и исторический комментарий, и выбор самого словника.

В словник автор включает в основном те корни, которые так или иначе изменяются при образовании слов.

Трудную проблему представляет перевод значений корней на английский язык. Как известно, корень имеет вещественное, понятийное значение, сформулировать которое относительно легко на русском языке в том случае, когда корень слова свободный, и трудно, если корень — связанный. Впрочем, в обоих случаях значение корня можно определить, только исходя из значения слова. При передаче значения русского корня на английский язык определение русского корня через английские слова (а не английские корни!) невольно приводит на память русское слово с данным корнем целиком, а не общее понятие, передаваемое корнем, что часто приводит к ошибочным выводам. Например, связанный корень *пт-* (ср. современные слова: *птица, птенец, пташка, птичий* при др.-р. *пѣта* 'птица') переводится через *fly*, что при неоднозначности английского *fly* может привести к ошибочной интерпретации значения русского корня.

Автор отдает себе полный отчет в этой трудности и довольно удачно использует в целях преодоления ее два приема.

1. Переводы значений русского корня на английский язык даются безотносительно к грамматическим категориям и частям речи, например *мыть-wash, мок-wet*, т. е. это могут быть корни и существительных, и глаголов, и т. п.

2. Вводятся, помимо английских слов-переводов, латинские корни, например *нов-pew-* и *пов-*, *нео-*; *им-* *take, grasp* и *сар-*, *сер-*; *огн-fire* и *ign-*; *ног-foot* и *ред-* и т. д.

Ч. Гриббл пытается учитывать полисемию и омонимию корней, хотя это не всегда удается. Так, значение корня *круп-* (омонимы не учитываются, ср.: *круп* 'болезнь' и *круп* 'задняя часть туловища лошади') переводится только как *large, huge*, что справедливо для этого корня в словах *крупный, укрупнение* и под., но что не соответствует значению корня *круп-* в словах *крупя, крупчатка, крупинка*, где оно может быть для русского языка сформулировано как 'имеющий отношение к продукту питания, состоящему из зерен'.

Далеко не полностью учитываются и омонимичные корни. Например, приводится только два корня *пол-*: *пол-¹ half; sex* (через точку с запятой обозначаются различные значения корня) и *пол-² floor*, вместо, по крайней мере, шести омонимичных корней (*пол-³* в глаголе *полость*, *пол-⁴* в прилагательном *полюй*, *пол-⁵* в существительном *поле*, *пол-⁶* в словах *полюс, полярный* и др.). Ср. также выше приведенный пример с корнем *круп-*.

Выделение корней в списке Ч. Гриббла проведено с точки зрения синхронного морфемного анализа в целом правильно, с большой осторожностью и с отсылками во многих случаях на исторические корни.

Очень часто даются указания на эквивалентные (равнозначные) с современной точки зрения членения слов, например при корнях *помн-* и *помог-* даны отсылки на корни *мн-* и *мог-*; корень *пророк-* имеет переадресовку на корень *рок-*; корень *горьк-* — на корень *гор-¹*, корни *громад-* и *громозд-* — на корень *гром-²*, корень *скольк-* — на корень *кол-⁴* и т. д. Однако почему-то в словах *совесть* и *повесть* автор отказывается сейчас видеть корень *вест-*, хотя и указывает на происхождение корней *совест-* и *повест-* от *вед-* (аналогично указание на происхождение корней *забав-*, *забыв-* и *завид-* от *бав-*, *быв-* и *вид-*), а при корне *прия-* нет даже исторической отсылки на корень *я-*, который и сейчас можно выделить вместо корня *прия-* в таких словах, как *приятель, приятие, приятель, приятель, изъять, объять* и т. п.

Указания на корни, которые можно считать эквивалентными выделенным корням, что вполне допустимо при синхронном морфемном анализе, следует отличать в списке Ч. Гриббла от отсылок другого характера, а именно — от сведений (к сожалению, только парного) морфем к какому-либо одному морфем. Например, корни *пон-* и *пн-* сводятся к корню *пн-*; корни *зид-* и *зод-* — к корню *зд-*, корни *дер-*, *дир-* и *дор-* — к корню *др-* и т. п., а эти последние получают уже перевод на английский язык.

Корни, кончающиеся на *ж, ш, ч, щ, ц* (исключения типа *риц-* наряду с *рек-*, *ниц-* наряду с *ник-*, *печ-* наряду с *пек-* и некоторые другие редки), не приводятся, так как чередования шипящих и *ц* с заднеязычными регулярны и объяснены в предисловии.

В разделе С (рр. 12—16) автор дает правила, объясняющие различные изменения в корнях. К сожалению, в своих объяснениях Ч. Гриббл идет то от истории языка, как

в случаях с палатализацией заднеязычных, то от синхронии, как, например, в объяснении форм с чередованием *e* и *ě*, которые он трактует как переход $\acute{e} \rightarrow e$ в позиции перед мягким суффиксом (р. 14, № 3). Неверной представляется интерпретация потери конечных корневых *m*, *n*, *v*, *ŷ* перед любым консонантом (кроме *j*), как якобы происходящих в случаях: *стан-ть* → *стать*, *жив-ть* → *жить*, *знай-ть* → *знать* (р. 13). В большинстве случаев, однако, объяснения исторических процессов, даваемых через призму современного русского языка, проводятся правильно.

В работе Ч. Гриббла приводятся краткие, но, видимо, достаточные для целей преподавания списки суффиксов и префиксов русского языка, иллюстрируемые словами, содержащими данные аффиксы. В отличие от корней фонетический облик современных суффиксов в списке не всегда сохранен, что объясняется практическими целями пособия. Так, приводится суффикс *-ьн-*, подтверждаемый примерами *водный*, *рыбный*, *интересный*, *речной* (→ *река*). Именно ради объяснения последней формы и искажается внешний вид современного суффикса *-н-*. Аналогичные случаи: суффикс *-ько* (*пивко*, *очко*), *-ьник-* (*заступник*, *насмешник*) и т. п. Непоследовательна ориентация то на фонетический, то на письменный уровень речи. С одной стороны, дается суффикс *-ja-* с указанием на возможное чередование последнего согласного корня под влиянием *j*, как в словах *кража*, *порча*. С другой стороны, в качестве суффикса абстрактного существительного приводится *-ь-* в словах *чернь*, *связь*, *ложь*, о чем можно говорить лишь на уровне письменной речи тогда как на уровне разговорной в них, как и в словах *зов*, *осмотр*, будет нулевой суффикс.

Автор допускает некоторые неточности и в перечислении префиксов, специфичных лишь для прилагательных, к которым он относит префиксы *меж-*, *вне-*, *чрез-* и др. На самом деле эти префиксы встречаются не только у прилагательных, но и у существительных: *внеплодник*, *внеочередность*, *внеплановость*, *межплодник*, *межбровье*, *межполосье*, *чрезмерность*, *чрезвычайность* и т. д.

Большой труд, осуществленный Ч. Грибблом, применяемые им новые методы объяснения и выделения корней, сопровождение корней историческими пометами и проч. позволяют надеяться, что задуманный автором словарь корней русского языка будет высокого качества и будет представлять интерес не только с точки зрения практического изучения русского языка, но и с точки зрения научной — для русистов, занимающихся морфемным анализом.

¹ C. Wolkonsky, M. Poltoratzky. Handbook of Russian Roots. N. Y., 1961, XXVI+414 pp.; D. S. Worth, A. S. Kozak, D. B. Johnson. Russian Derivational Dictionary. N. Y., 1970; M. Aschenbrenner. Russische Wortkunde. Göttingen, 1971, 152 S. Ср. также: Н. В. Юшманов. Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. М., «Наука», 1968 (содержит около 1100 корней, суффиксов и префиксов греко-латинского происхождения, встречающихся в научно-технической терминологии русского языка).

А. И. КУЗНЕЦОВА
(Москва)

М. М. КОПЫЛЕНКО, З. Д. ПОПОВА. ОЧЕРКИ ПО ОБЩЕЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.

ИЗД-ВО ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1972

Рецензируемая книга представляет собой «пособие, вводящее читателя в курс проблем фразеологии и намечающее некоторые перспективы дальнейших разысканий в этой области» (стр. 2). Она содержит вводную часть («Фразеология в современном языкознании»), три основных раздела («Типология фразеосочетаний», «Специальные показатели коннотативного употребления фразеосочетаний», «Опыты семантного анализа фразеосочетаний») и краткое «Послесловие».

Вводная часть открывается экскурсом в историю развития фразеологической науки в отечественном языкознании. Вслед за этим рассматриваются существующие критерии выделения фразеологизмов. Авторы подразделяют эти критерии на три группы: 1) устойчивость, воспроизводимость, вхождение в систему языка; 2) идиоматичность, целостность значения, целостность номинации, эквивалентность слову, терминологичность, связанность значения компонентов, лексическая неделимость, непереводаемость, утрата внутрикомпонентных связей, особенности внешних синтаксических связей; 3) переносное значение, образность, экспрессивность. Каждый из перечисленных критериев рассматривается «с точки зрения их разрешающей силы» (стр. 5).

В результате делается обоснованный, с нашей точки зрения, вывод, что ни один из этих критериев, взятый сам по себе, не обеспечивает четкого и однозначного определения объема фразеологии (стр. 15).

Авторы рецензируемой книги в основу выделения фразеологизмов кладут их идиоматичность, понимаемую как «семантический сдвиг в одной или нескольких сочетающихся лексемах, приводящий к тому, что значение сочетания лексем не равно сумме значений сочетающихся лексем» (стр. 14). В качестве сопровождающего признака учитывается устойчивость как предсказуемость элементов. Для всех типов сочетаний лексем (фразеологизмов и нефразеологизмов) авторы принимают общий термин «фразеосочетание» (стр. 15). Здесь же они рассматривают различные классификации фразеосочетаний — семантическую классификацию, классификацию по окружению и др.

Далее во вводной части дан критический обзор проблем синонимии и вариативности фразеосочетаний и проблем сопоставительной фразеологии как науки. Красной нитью через все изложение проходит мысль о том, что четкой границы между фразеологическими и нефразеологическими сочетаниями лексем провести нельзя. По мнению авторов, «отличие фразеологизмов от нефразеологизмов представляется вопросом договора, сознательного принятия порога идиоматичности», а поэтому они предлагают «звести градуирование идиоматичности и устойчивости от нуля до единицы» (стр. 22).

Таким образом, авторы устраняют ряд сложных проблем: проблему фразеологического уровня (В. А. Архангельский, А. В. Кунин), проблему исключения «свободных сочетаний» из исследований фразеологизмов (И. И. Чернышова, Н. М. Шанский), проблему распределения сочетаний лексем как объекта исследования между контекстологией, стилистикой и фразеологией (Н. Н. Амосова), вопрос об отнесении к фразеологии или исключении из ее состава предикативных конструкций (пословиц, сентенций и под.) (А. В. Кунин и др.).

Центральное место в «Очерках» занимает раздел о типологии фразеосочетаний, которая опирается на типологию семем (авторы принимают термин «лексема» для обозначения звуковой стороны слова и термин «семема» для обозначения его смысловой стороны, значения).

Отправляясь от учения В. В. Виноградова о типологии семантического содержания лексем¹, авторы предлагают различать пять разновидностей семем: 1) первичная денотативная семема (Д1), которая узнается в лексеме вне контекста, по прямому соответствию с денотатом, известному людям из опыта, например *нос* (часть лица); 2) вторичная денотативная семема (Д2), обозначающая один денотат по сходству с другим денотатом, например *нос* (корабля). «Лексема, служащая для выражения семем Д1 и Д2, вне контекста сигнализирует, как правило, семеме Д1, более частотную и непосредственно связанную с данной лексемой. Для опознания семемы Д2 нужен контекст, ситуация» (стр. 41). Коннотативные семемы создаются лишь во фразеосочетаниях, вне которых они не могут быть выделены. Различаются: 3) коннотативная семема К1, которая логически связана с денотативной семемой той же лексемы, мотивирована ею. Так, *куриная память* — память как у кур (налицо мотивация); 4) коннотативная семема К2, не имеющая никакой логически мотивированной связи с денотативной семемой данной лексемы, например *по пьяной лавочке* («Причем тут лавочка?» — стр. 41);